

© Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.01](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.01)

УДК 81.374 + 81.374.82

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ И АКТИВНЫЙ СЛОВАРЬ: РАЗВИТИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ*

Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская (Новосибирск, Россия)

Идея словаря активного типа в общем виде сформулирована А. Реем и С. Делесаль: «Словарь начинает жить с того момента, когда он обращается не к значению слов, а к их действию». Концепция активного словаря получила дальнейшее развитие в русистике. Если А. Рей и С. Делесаль делали упор на прагматической информации в словарной статье, то отечественные лексикографы обсуждают проблему соотношения лингвистической и энциклопедической информации в словаре, предлагая «уйти» от минимализации классических толковых словарей (Гак). В современной теоретической лексикографии вопросы создания универсального/активного сейчас особенно актуальны: назначение словаря, адресат, объем лексикографической информации, способы подачи материала, источники и метаязык (Апресян). Признавая важными все проблемы, связанные с новым типом словаря, сосредоточимся на вопросах объема и соотношения семантической и прагматической информации о слове в двуязычном активном словаре. Основные положения активной двуязычной лексикографии нашли отражение во французско-русском словаре активного типа, который имеет иное назначение, чем одноязычные активные словари и «ставит своей целью эксплицитно показать соотношение между языком и речью: <...> показать пути перехода от системного значения слова и его перевода к типизированным контекстуальным значениям и их переводам, отмечая при этом те разнообразные средства, которыми располагает язык перевода для передачи различных значений слова исходного языка» (Гак, Триомф).

Авторы придерживаются когнитивно-энциклопедического направления, включая нетипичную для двуязычного словаря информацию о тематических группах («футбольная» и «шахматная» лексика, термины родства, карточные игры и др.), о составе и функционировании,

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект 15-04-00122а «Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты»; проект 15-14-54001а(р) «Конфликтный текст в зеркале лингвистического экспертирования: оскорбление, унижение чести и достоинства, порочащая информация в публичной коммуникации региона».

Булыгина Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

Трипольская Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: tr_tatiana@mail.ru

например, каузальных глаголов, о речевых жанрах опасения, запрета, а также способах выражения вопроса и отрицания и пр. – информацию, облегчающую освоение системных и функциональных параметров языка. В этом случае можно говорить об ином адресате словаря – о пользователе, который осваивает чужой язык. Пользователь одновременно получает знания языка и знания о языке.

Прагматическая информация (эмоционально-оценочная, национально-культурная, идеологическая, гендерная, социальная и др.) концептуально не осмыслена как объект лексикографического описания и представлена неполно, непоследовательно и зачастую спорна.

Ключевые слова: лексикография, активный словарь, прагматический компонент семантики слова.

Предлагаемый к обсуждению круг проблем касается основных векторов развития современной лексикографии и – конкретно – лексикографии двуязычной, которая сегодня тоже представляет словари нового типа – активного и универсального. В первую очередь это относится к «Французско-русскому словарю активного типа» под редакцией В. Г. Гака и Ж. Триомфа [1].

Наличие двух терминов – активный и универсальный словари, – которые зачастую используются недифференцированно, требует специального обсуждения.

Идея словаря активного типа в общем виде сформулирована А. Реем и С. Делесаль: они считают, что словарь «не работает» до тех пор, пока в нем не содержится основных правил употребления слова, его существенных коммуникативных характеристик, которые помогли бы пользователю следовать принятым нормам коммуникации, «словарь начинает жить с того момента, когда он обращается не к значению слов, а к их действию» [2; 3, с. 263].

Концепция активного/универсального словаря получила дальнейшее развитие в современной науке. Подобные лексикографические проекты примерно в это же время обсуж-

дались и в русистике: создание универсального словаря, включающего энциклопедическую, культурно-историческую и этнолингвистическую информацию о слове [4], проблема соотношения антропоцентрического и лингвоцентрического подходов в лексикографировании [5], а также концепция словарей активного типа под руководством Ю. Д. Апресяна [6–7]. Концепция универсального словаря формируется в рамках антропоцентрической лексикографии, включающей такие словари, как Русский семантический словарь под редакцией Н. Ю. Шведовой¹, Русский ассоциативный словарь под редакцией Ю. Н. Караулова² и идеографические словари Уральской семантической школы [8].

При ближайшем рассмотрении термины «активный» и «универсальный» понимаются зачастую как синонимы: так называемая «активная информация о слове» А. Рей и С. Делесаль, которые делали упор на прагматической составляющей в словарной статье, позволяющей увидеть коммуникативные «правила» употребления слова, в русской лексикографии, видимо, включается в универсальную информацию о языковой единице. Так, Ю. Д. Апресян, по сути, не разграничивает эти термины, делая упор на противопоставлении активного и пассивного словарей. С точки зрения Ю. Д. Апре-

¹ Шведова Н. Ю. Русский семантический словарь. – М., – 2000. – Т. 1–2.

² Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский ассоциативный словарь. – М., 1994.

сяна, можно выделить два основных отличия «пассивного» и «активного» словарей: активные словари «предназначены для того, чтобы обеспечить нужды говорения или, более широко, нужды производства текстов. <...> Основная формула канонического активного словаря – существенно меньше слов <...>, но по возможности полная, в идеале исчерпывающая информация о каждом слове, необходимая для его правильного употребления в собственной речи говорящих» [6–7].

Объем информации о слове, её детализация и способы представления в толковых словарях разных лексикографических традиций существенно различается: от минимума в российских словарях (в соответствии с концепцией Л. В. Щербы о противопоставлении энциклопедических и лингвистических словарей [8]) до возможного максимального объема в европейских словарях, приближающихся к энциклопедическим. Отечественные словари вполне соответствуют основному принципу распределения лингвистической информации о слове по разным аспектным словарям: системным, грамматическим, этимологическим, ассоциативным и пр. Европейская лексикографическая традиция предполагает иной подход: вся значимая словарная информация должна быть собрана в толковом словаре. Например, *Le nouveau petit Robert* (2002)³, *Il Sabatini Coletti. Dizionario della Lingua Italiano* (2006)⁴, *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English* (1974)⁵, *Diccionario de uso espanol de Maria Moliner*⁶ максимально полно

(и в специальных комментариях, и в иллюстративном материале) отражают системные, функциональные, этимологические, семантико-прагматические и лингвокультурологические сведения о слове. В русских словарях подобная информация является, скорее, исключением (см. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова⁷).

Так, в словаре М. Молинер словарная статья лексемы *calle* включает единицы, имеющие отношение к городскому пространству: *alameda, arteria, avenida, bulevar, paseo, rambla, ronda, rúa* – улицы (в названиях улиц); *carrera, vía pública, corso* (главная улица); *bajada, cuesta* (спуск), *subida* (подъём), *costana* (улица на склоне холма), *costanilla* (крутая улица); *bocacalle* (боковая улица, улочка, переулок); *callejón, calleja* (проулок, переулок, закоулок), *callejuela* (уменьш. от *calleja*), *callizo* (см. *callejón, callejuela*); *corredera* (аргентинское – коридор); *pasadizo* (1) проход, переход, проезд, проходной двор; 2) коридор); *pasaje* (3) переход, проход, проезд (место), проулок <...> 6) пассаж, крытая галерея между двумя улицами); *paso* (проход, переход); *travesía* (поперечная улица, проезд, переулок); *acera* (тротуар); *arroyo* (проезжая часть улицы, улица, мостовая); *calzada* (мощёная дорога, шоссе, мостовая; улица, проезжая часть, тротуар); *desembocar* (2) (об улице; проходе) выходить, вести, выводить куда), *girar, torcer, volver*; *arcada* (аркада), *porche* (крытая колоннада, портик), *pórtico* (портик, колоннада; галерея с колоннами внутри

³ *Le nouveau petit Robert. Nouvelle edition du Petit Robert de Paul Robert. Dictionnaires le Robert.* – Paris, 2002.

⁴ *Il Sabatini Coletti. Dizionario della Lingua Italiano.* Rizzoli Larousse. – 2006.

⁵ *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English.* A S Hornby with A P Cowie, A C Gimson. – Oxford University Press, 1974. – 1037 с.

⁶ *Diccionario de uso espanol de Maria Moliner.* URL: <http://www.diclib.com/cgi-bin/d1.cgi?l=en&base=moliner&page=showindex> (дата обращения 25.12.2015).

⁷ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия, 1935–1940. – Т. 1–4 (ТСУ).

двора); *esquina* (угол улицы, дома); *cruce* (пересечение, скрещение дорог, улиц; перекрёсток), *crucero*, *cruzada*, *encrucijada*, *crucijada*, *bivio*, *cuadrivio*, *trivio*; *plaza*: *plazuela*, *glorieta*, *rotonda*; *barrio* (квартал): *Judería* (Еврейский квартал), *Platería* (квартал ювелиров), *Trapería* (квартал суконщиков/старьевщиков), *Zapatería* (исторически – квартал сапожников), *Alta*, *Ancha*, *Baja*, *Mayor*, *Nueva*, *Laberinto*⁸.

Этот лексический фрагмент можно структурировать, выделив в семантическом поле городских наименований подгруппы, включающие: а) всё многообразие урбано-нимов (*calleja* – проулок, переулок, закоулок; *callejón* – переулок; *callejuela* – уменьш. от *calleja*); б) атрибуты городского пространства (*farola* – уличный фонарь); в) имена собственные, обозначающие темпорированные локусы (*Zapatería* – исторически квартал сапожников); г) наименования пешеходов (*azotacalles* – празднующийся, фланёр, бродяга; *viandante* – путешественник, путник); д) глаголы, обозначающие разные виды передвижения в городском пространстве (*desembocar* – (об улице, проходе) выходить, вести, выводить куда; *ruar* 1) прохаживаться, прогуливаться, фланировать; 2) проехать, прокатиться (в экипаже, верхом); 3) прогуливаться с женщиной).

Толковые словари французского, итальянского, испанского и английского языков в большей степени тяготеют к словарям смешанного типа (включающим информацию собственно лингвистического и энциклопедического характера), что, безусловно, отвечает потребностям «портретирования» слова и созданию словарей антропоцентрического типа.

Иными словами, в европейской лексикографической традиции нет такого жесткого противопоставления пассивного и активного (в понимании Ю. Д. Апресяна) словарей.

Минимизация информации в российской лексикографической традиции неразрывно связана с доминированием системного изучения языка, когда одной из задач являлось выделение дифференциальных признаков лексического значения, отличающих одно слово от другого и, соответственно, одну реалию от другой. Дифференциальная модель лексического значения, адекватная задачам изучения системного устройства словаря, естественным образом находит свое воплощение в практике лексикографирования лексических единиц.

До последнего времени изыскания российских лексикографов были направлены на четкую дифференциацию лингвистической информации о слове, которая находила место в общих и специализированных словарях: «<...> возникает впечатление, что авторы словарей – толковых и переводных – создают для себя “внутреннюю цензуру”, вынуждающую их намеренно отказываться от пояснений энциклопедического типа и ограничиваться семантическими указаниями (“ближайший род и видовое отличие”）」 [4, с. 122].

Анализ лексикографического описания позволяет рассматривать словарную статью как текст высокой степени компрессии: может быть, не столько «внутренняя цензура» лексикографа, сколько жанр толкового словаря предполагает минимальный объем текста с максимальной смысловой нагруженностью. К числу парадоксов Н. Ю. Шведова относит «максимальную концентрированность информации, заложенной в самом жанре словарной статьи –

⁸ *Diccionario de uso español* de Maria Moliner. URL: <http://www.diclib.com/cgi-bin/d1.cgi?!=en& base=moliner&page=showindex> (дата обращения 25.12.2015).

присущую ей потенцию восстановления общей картины классов», «всеобщую связанность всех константных свойств в слове – их искусственное разъятие в словарной статье как обязательное условие самого ее существования», и, наконец, «слово как единицу, не знающую состояния покоя, – представление слова в словарной статье как единицы, находящейся в состоянии покоя» [11, с. 9].

В силу этого понятна и закономерна попытка обращения/возвращения к принципу энциклопедизма в словаре: обсуждается круг вопросов о назначении словаря, адресате, объеме лексикографической информации, способах подачи материала, источниках и мета-языке; кроме того осмысляются понятия активности, интегральности (описание лексики максимально согласуется с описанием его «грамматики» в широком смысле слова, то есть со сводом всех достаточно общих правил данного языка), ориентации на отражение «наивной», или языковой, картины мира и некоторые другие [12, с. 447].

Признавая актуальным весь круг проблем, связанных с новым типом словаря, сосредоточимся на первостепенных вопросах объема и соотношения семантической и прагматической информации о слове. Для лингвистического исследования лексикографический источник служит, как правило, отправной точкой, позволяющей выявить лакуны в лексикографическом описании и наметить перспективы изучения языкового явления. В активном словаре, как в одноязычном, так и в переводном, мы ожидаем увидеть максимально полную информацию о слове и сведения коммуникативно-прагматического характера, способствующие успешному включению языковой единицы в процесс реальной коммуникации.

Вопрос о том, что именно должен включать активный словарь по сравнению с традиционными толковыми словарями, до сих пор остается открытым: нужна ли в словаре нового типа коммуникативно значимая информация (в каком объеме и каким способом представленная), включающая национально-культурную, идеологическую, гендерную, эмоционально-оценочную, а также коммуникативно-ситуативную составляющие.

Напомним об известной дискуссии о возможности и необходимости включения прагматической информации в толковый словарь, участники которой высказывали противоположные точки зрения [13].

Мнение Р. Лангакера стало в последнее время весьма распространённым [14]: во многих лингвистических работах повторяется мысль о том, что в толковых словарях нет и быть не может информации о прагматических свойствах слова. Иная позиция представлена в работах Г. Н. Складневской: несмотря на кажущееся противоречие толкового словаря и лингвистической прагматики, в лексикографическом описании должно найти место неуловимое поведение языковых и внеязыковых элементов в разнообразных и неустойчивых актах речи [15].

Основным источником материала для словаря активного/универсального типа становятся «пассивные» словари и, конечно, специальные исследования, целью которых является «портретирование» слова. Однако лексикографический материал толковых словарей в разной степени оказывается полезным для словаря, учитывающего «коммуникативное поведение слова».

Конечно, информация об эксплицитной реакции говорящего на коммуникативную ситуацию, о системных связях лексемы, о сочетаемостных возможностях слов данного сло-

вообразовательного гнезда, об образных употреблении и устойчивых выражениях присутствует в Активном словаре русского языка под редакцией Ю. Д. Апресяна в том объеме, который невозможно было бы ожидать в словарной статье классического толкового словаря. Однако остается еще значительный пласт лексикографически релевантной информации, например, о прагматическом компоненте в лексическом значении слова, который лишь частично отражен в словарной статье [16]. Естественно, что словарь отражает тот уровень описания и осмысления языковых фактов, который характеризует современное состояние науки, но за последние тридцать лет лингвистика накопила серьезный опыт в моделировании прагматического компонента в семантике слова.

Отражение национально-культурного, гендерного, социального, идеологического, эмоционально-оценочного оказывается в ряде случаев более полно представлено в традиционных толковых словарях. Так, «Словарь русского языка»⁹, специально не ориентированный на отражение коммуникативно-прагматической информации о слове, тем не менее в разных структурных частях словарной статьи, например, глагола *болтать* отражает особенности речевого поведения с точки зрения адресата-слушателя и его эмотивную оценку. Ср.:

БОЛТАТЬ <...> **1.** перех. и без доп. Вести легкий, непринужденный разговор, разговаривать. [Милашкин:] *Будь глуп, как пробка, только умей любезничать, болтать... Вот что нынче нравится. А. Островский, Бедная невеста. Они целыми днями болтали о чьих-*

то успехах, о каких-то интригах, о женитьбах и смертях, о наградах и ошибочных надеждах. Макаренко, Книга для родителей. До поздней ночи мы сидим за столом и болтаем, болтаем без конца. Каверин, Два капитана. || Говорить то, о чем не следует говорить; проговариваться. <...>. – *А понятно тебе, почему не надо болтать об этом? – Немного понятно. В. Беляев, Старая крепость. <...>.*

БОЛТЛИВЫЙ <...> Чрезмерно говорливый. *Погода к осени дождливой, А люди к старости болтливой. И. Крылов, Плотичка. – Я слишком болтлива? – весело спросила Аночка. – Говорите, говорите большие, я хочу вас слушать! Федин, Необыкновенное лето.* || Не умеющий хранить тайну.

БОЛТОВНЯ <...> Бессодержательные разговоры; легкий, непринужденный разговор. – *Я не должен растрачивать свои силы на одну болтовню, пустую, бесполезную болтовню, на одни слова. Тургенев, Рудин. <...>.*

БОЛТУН <...> Тот, кто много болтает; пустослов. *В действительности Джон был болтуном, разносчиком всяческих историй и певцом на свадьбах. Паустовский, Поселок среди скал.*

БОЛТУНЯ <...> ж. разг. женск. К болтуну I.

БОЛТУШКА <...> ж. разг. ласк. к болтуну I и болтуня. *Я надоем и вам ужасно: Все говорю и говорю, Болтушка – скажете. И. Никитин, Кулак*¹⁰

БОЛТУН <...> (разг.). 1. Болтливый человек, пустослов. 2. Сплетник. *Ему не говори, он – известный б.*¹¹

⁹Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981–1984 (МАС).

¹⁰Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стереотип. – Т. 1. – М.: Русский язык, 1999. – С. 105–106.

¹¹Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – Т. 1 – М.: ОГИЗ, 1935. – С. 170.

Словарь описывает:

- коммуникативную ситуацию болтовни (*болтать, болтливый, болтовня, болтун, болтунья*) как *легкий, непринужденный разговор; бессодержательные разговоры; не умеющий хранить тайну; много болтает, чрезмерно говорливый, пустослов; проговариваться*);

- дает информацию об эмоционально-оценочной картине мира;

- взаимоотношениях коммуникантов;

- представлениях социума о мужских и женских недостатках речевого поведения (см. иллюстративный материал: *Я надоем и вам ужасно: Все говорю и говорю, Болтушка – скажете. И. Никитин, Кулак*). Едва ли возможно употребление **Я такой болтун* от лица мужчины. Напомним о тесте З. Вендлера на сочетаемость с «я» и введенном им понятии иллюкутивного самоубийства [17]: – *Я такая болтушка/болтунья* – заговорила вас совсем. Вполне приемлемы подобные варианты для успешной коммуникации (в отличие от фраз: ** Я такой болтун*).

Отметим, что информацию и о денотативной, и о прагматической семантике мы «собрали», анализируя все словообразовательное гнездо. И это вполне оправданный ход лексикографов-авторов толкового словаря.

Если обратиться к соответствующей словарной статье активного толкового словаря, обнаружим, что, кроме особым образом структурированной информации в соответствии с концепцией зонного устройства словарной статьи, словарь отражает эксплицитную реакцию говорящего на ситуацию болтовни (в основном неодобрительную – а она разная: эмоционально-оценочное варьирование не исчерпывается только отрицательной оценкой), си-

стемные связи лексемы, сочетаемостные возможности слов данного словообразовательного гнезда, образные употребления и устойчивые выражения.

Однако, например, гендерная и связанная с ней оценочная семантика дериватов *болтун, болтушка, болтунья* более адекватно представлена все-таки в классических толковых словарях. Ср.:

БОЛТУН, СУЩ; МУЖСК, ОДУШ; *болтуна. Пустой болтун; Он не болтун, ему можно доверять.*

ЗНАЧЕНИЕ. 'Человек, который очень любит говорить и говорит слишком много, обращая мало внимания на собеседника, и, говоря, может сказать то, чего говорить не следует, или то, чему нельзя верить'.

Лицо женского пола называется *болтунья* или *болтушка*.

– *Вы знаете, я не болтун и всегда точно знаю, о чем говорю* (Ю. Домбровский). *На мой ответ, что Герен жив и по-прежнему читает лекции, гость тихо засмеялся и сказал, что в жизни своей не видел большего болтуна и глупца* (Ю. Тынянов). *Сумма похищенных денег, пока это не было выяснено точно, возросла на языке досужих болтунов до чудовищных размеров – чуть ли не до миллиона...* (В. Курицын). *Великий оратор превращался в болтуна, корифей науки в популяризатора чужих идей* (В. Гроссман). *Что же ты мелешь, болтун?!* (М. Шолохов)¹².

В случаях с нейтральным словом можно говорить о том, что в словаре активного типа Ю. Д. Апресяна имплицитная коммуникативно и когнитивно значимая информация представлена эксплицитно. Количественное соотношение так называемой энциклопедиче-

¹² *Активный словарь русского языка / под ред. Ю. Д. Апресяна. – Т. 1. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – С. 316.*

ской и коммуникативно-прагматической информации зависит в значительной мере от семантических свойств лексемы (ср. *карта и болтать*). Эмотивно-оценочная лексика оказывается далеко не центральным объектом для создателей словаря, и это вполне понятно, т. к. прагматически нагруженные единицы не составляют ядро лексической системы языка, хотя значимость лексем с многослойной семантикой в коммуникативном процессе трудно переоценить. В данной ситуации неполная и непоследовательно представленная прагматическая информация о «поведении» слова отражает также проблемы практического лексикографирования «тонкой материи слова».

Сходные проблемы стоят и перед создателями двуязычного словаря активного типа. Практическая необходимость и теоретическая значимость подобных словарей, фиксирующих разнородную информацию о слове, неоднократно обсуждалась и в русистике.

В. Г. Гак, анализируя французско-русский словарь К. А. Ганшиной¹³, пишет: «<...> *frimaire* и *ventose* толкуются соответственно так: фример – третий месяц республиканского календаря, вантоз – шестой месяц республиканского календаря. Но неподготовленному читателю остается неясным, на какое же время года приходятся данные месяцы <...>. Слово *arpent* в этом же словаре переводится арпан (старая французская земельная мера), однако конкретно размер этой единицы не указывается <...>. Переводные и толковые словари порой умышленно воздерживаются от реальных определений и пояснений, даже если такое пояснение было бы более экономно. А между тем было бы нелишне в переводном,

например, словаре указывать содержание мер, назначение различных растений, моллюсков и т. п. Это, кстати, послужило бы оправданием включения того или иного специального термина в общий словарь» [4, с. 122].

В цитируемой работе автором сформулированы основные положения активной двуязычной лексикографии, которые нашли отражение не только во «Французско-русском словаре активного типа» В. Г. Гака и Ж. Триумфа¹⁴, но и других антропоцентрических словарях.

Конечно, словарь В. Г. Гака и Ж. Триумфа имеет иное назначение, чем одноязычные активные словари и «ставит своей целью эксплицитно показать соотношение между языком и речью. В словаре пассивного типа, где правая сторона известна читателю лучше, чем левая, этот переход осуществляет сам читатель. В словаре же активного типа необходимо показать пути перехода от системного значения слова и его перевода к типизированным контекстуальным значениям и их переводам, отмечая при этом те разнообразные средства, которыми располагает язык перевода для передачи различных значений слова исходного языка» [1, с. 5].

В. Г. Гак относит к универсальным словарям «Малый Робер»: «Тенденция лексикографии – создание словарей, описывающих отдельные стороны слова. Проблема в соединении этой разрозненной информации в словаре, который бы дал читателю целостное представление о слове. Опыт такого словаря – «Малый Робер»: толковый, орфоэпический, этимологический, идеографический, а также словарь синонимов и антонимов и т. п. Такой словарь можно назвать универсальным» [4, с. 124].

¹³ Французско-русский словарь / сост. К. А. Ганшина. – 6-е изд., исправл. и доп. – М.: Советская энциклопедия, 1971.

¹⁴ Французско-русский словарь активного типа / под ред. В. Г. Гака, Ж. Триумфа. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1998.

Универсализация словаря может идти не только путем расширения и углубления лингвистической информации. Она может состоять в сочетании сведений филологического и энциклопедического характера.

Сопоставляя словари В. И. Даля, «Малый академический словарь» и «Малый Робер», автор предлагает введение энциклопедического и культурно-исторического компонентов во все структурные элементы словарной статьи: в толкование, иллюстративный материал и специальный историко-этнографический комментарий (например, информацию об использовании серебра, о типах вулканов и их природе и др.) [4]. Как видим, идея зонирования словарной статьи, в какой-то степени реализованная в ТСУ, видоизменяется и становится сквозной для разных традиций и для разных лексикографов.

Теоретические положения, высказанные В. Г. Гаком, нашли практическое применение в двуязычном словаре активного типа В. Г. Гака и Ж. Триомфа. В нем сделана интересная и уникальная попытка соединить функции переводного и универсального словарей, включающих разноплановую информацию о языке – от лексической системы (тематические группы, фрагменты семантических полей) до грамматических сведений, например, о каузальных, возвратных и других глаголах.

Авторы переводного словаря активного типа опираются, безусловно, не только на толковые словари с элементами энциклопедического комментария, но и на лучшие образцы двуязычных словарей¹⁵.

Особое внимания лексикографов в представлении лексического и грамматического материала связано с теми фрагментами языка, которые содержат национально-культурный компонент и отражают особенности картины мира социума. Ср., например, фрагмент тематической группы терминов родства:

- *Ligne descendante* Нисходящая линия
- *arri ère-petits-enfants* правнучата, правнуки, правнучки
- *arrière-petit-fils* правнук
- *arrière-petite-fille* правнучка
- *petits-enfants* внучата, внуки, внучки
- *petit-fils* внук; dim внучек
- *petite-fille* внучка; dim внученька
- *enfants* дети; dim детки, деточки, детишки
- *fil* сын; dim сынок, сыночек, сынишка, сынуля
- *fille* дочь f; dim дочка, доченька, дочурка¹⁶.

Авторы включают нетипичную для двуязычного словаря информацию о тематических группах (цветообозначения, «футбольная» и «шахматная» лексика, термины родства, карточные игры и др.), о составе и функционировании, например, каузальных глаголов, о способах выражения опасения, запрета, а также вопроса и отрицания и пр. – информацию, облегчающую освоение системных и функциональных параметров языка. В этом случае можно говорить о двойном адресате словаря – о пользователях, которые осваивают чужой язык, как русский, так и французский.

¹⁵ Французско-русский словарь / сост. К. А. Ганшина. – 6-е изд., исправл. и доп. – М., 1971; Новый французско-русский словарь. «Русский язык-Медиа», 2004. Гак В. Г., Ганшина К. А. 70 тыс. статей. АBBYU, 2006. 100 тыс. статей. Режим доступа: АBBYU Lingvo. Электронный словарь. Вып.: 14.0.0.390. 2008 АBBYU; Большой русско-французский словарь. «Русский

язык-Медиа», 2004, Щерба Л. В., Матусевич М. И., Воронцова Т. П. и др. 200 тыс. слов и словосочетаний. Режим доступа: АBBYU Lingvo. Электронный словарь. Вып.: 14.0.0.390. 2008 АBBYU.

¹⁶ Французско-русский словарь активного типа / под ред. В. Г. Гака, Ж. Триомфа. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1998. – С. 710.

Читатель словаря одновременно получает знания языка и знания о языке. Сравните способ представления сложного для освоения фрагмента семантического поля движения, в корне отличающийся от семантизации глаголов перемещения в традиционном двуязычном словаре: помимо привычного представления многозначного слова приводится таблица, в которой соотнесены русские приставочные глаголы с французскими полисемантами.

Французско-русский словарь К. А. Ганшиной в словарной статье многозначного глагола *entrer*, кроме семантики перемещения,

представляет производные значения (в предложных конструкциях) «вмещать *сто человек*», «поступать *в школу*», «участвовать в чем-либо», «способствовать чему-либо». Аналогичная словарная статья имеется и в активном словаре В. Г. Гака и Ж. Триомфа. Таблица глаголов движения расширяет семантическую структуру указанных глаголов, детализируя способ и среду перемещения, «собирая» лексико-семантическую глагольную группу, рассыпанную по разным словарным статьям в алфавитном порядке (табл.).

Таблица

Глаголы движения¹⁷
Les verbes de mouvement / *verbs of motion*

Direction du mouvement		Nature du mouvement				
Verbe français	préverbe russe	a pied идти	pas a pied ехать	en courant бежать	en volant лететь	en nageant плыть
entrer	в-	войти	въехать	вбежать	влететь	вплыть
sortir	вы-	выйти	выехать	выбежать	вылететь	выплыть
monter	в[з]-, воз- вс-, вос-	взойти	въехать	взбежать	взлететь	всплыть
descendre	с-, со-	сойти	съехать	сбежать	слететь	–
s'approcher	под-, подо-	подойти	подъехать	подбежать	подлететь	подплыть
s'éloigner	от-, ото-	отойти	отъехать	отбежать	отлететь	отплыть
arriver	при-	прийти	приехать	прибежать	прилететь	приплыть
s'en aller	у-	уйти	ухать	убежать	улететь	уплыть
(se) rassembler	с-, со- (-ся)	сойтись	съехаться	сбежаться	слететься	сплыться
(se) séparer	раз-, рас- (-ся)	разойтись	разъехаться	разбежаться	разлететься	расплыться
atteindre	до-	дойти	доехать	добежать	долететь	доплыть
tomber sur	на-	найти	наехать	набежать	налететь	–

Конечно, национально-культурная и историческая информация, на неполноту или отсутствие которой в словаре К. А. Ганшиной

указывал В. Г. Гак, далеко не во всех случаях отражена и в словаре активного типа: так, недостаточно полно, с точки зрения В. Г. Гака,

¹⁷ Французско-русский словарь активного типа / под ред. В. Г. Гака, Ж. Триомфа. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1998. – С. 1018.

истолкованные К. А. Ганшиной словарные единицы, в его словаре вообще лишены комментария (*frimaire* – фриммер; *ventose* – вантоз). Это не первый и не последний случай, когда теоретические установки создателей словаря не находят полной реализации в практической лексикографии, последнее свидетельствует об объективных сложностях смены парадигмы лексикографического описания.

Выбор тех или иных фрагментов лексической и грамматической системы или некоторых речевых жанров для подобной развернутой презентации в словаре обусловлен представлениями лексикографов о степени их значимости для овладения языковой и коммуникативной компетенциями чужого языка: это зоны несовпадения, зоны, содержащие в наиболее яркой форме национально-культурную специфику, отмеченные наличием лакун разных типов.

В зону внимания лексикографов, естественно, попадают не все заслуживающие особого внимания лексические парадигмы. Так, например, наименования городского пространства в этом словаре не даются как отдельная тематическая группа, элементы которой сопровождалась бы каким-либо энциклопедическим комментарием, – это свидетельствует о том, что городские наименования не рассматриваются авторами как требующие специального лексикографического описания. Приведем типичные примеры из француско-русского словаря В. Г. Гака, Ж. Триомфа, которые вряд ли позволяют адекватно представить себе пространство французского города со всеми его особенностями для русского пользователя словаря: *boulevard* – бульвар; *avenue* – 1. проспект, авеню. *L'avenue des Champs Elysée*; *parvis* – паперть и др.: нет пояснений о

том, что *parvis de Saint-Morice* – это городская номинация площади вокруг собора, на которой расположены дома, т. е. наблюдается явное расхождение в интерпретации городского пространства.

А в толковом словаре Ю. Д. Апресяна словарная статья слова *бульвар* включает информацию об устройстве (*Улица в городе, в середине которой по всей длине растут два ряда деревьев, между которыми устроено пространство, предназначенное для гулянья, или само это пространство*), о соотношении имени нарицательного с именем собственным, о возможном местоположении (*на набережной*). Обычно у топонимов *улица, площадь* и прочие «пассивные» словари не комментируют «урбанистическое» значение (в отличие, например, от итальянских толковых словарей: *in urbanistica e toponomastica*). Трудно согласиться, правда, с разработчиками активного словаря русского языка, что у слова *бульвар* единственная коннотация «невзыскательный вкус массового читателя или зрителя». Слово *бульвар* вызывает совсем иные ассоциации: *Капуцинов, улица, Гагарина, прогулка, Цветной, широкий, авеню, аллея, большой, город, гулять, дорога, ... в Париже, ... для двоих, зеленый, зелень, идти, каменный, Монпарнас, ... погулять, полон народа, проспект, проституция, ... скамейка, темный, тени, Юности* [РАС]¹⁸. Кроме того, спорной является привязка бульвара к набережной – это частный случай устройства городского пространства.

Возвращаясь к словарю В. Г. Гака и Ж. Триомфа, отметим, что подобное «игнорирование», например, пространственной лексики легко объяснимо: чтобы тот или иной словарный фрагмент стал объектом специального внимания лексикографов, нацеленных на

¹⁸ Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский ассоциативный словарь. Т. 1 – М.: Астрель, 2002.

фиксацию когнитивных и прагматических сведений о слове, данный участок лексической системы языка должен быть изучен сопоставительной лингвистикой и лингвокультурологией как значимый для национальных картин мира.

Если же обратиться к эмотивно-оценочной лексике, давно осмысленной как прагматически маркированный фрагмент словаря, то придется констатировать, что она тоже выпадает из поля зрения авторов – никаких дополнительных сведений о том, как слово «работает» в речи, в словарной статье не содержится. Лексикографы предлагают полностью довериться чутью пользователя, знающего оценочное значение слов, с помощью которых переводится на русский французский глагол.

Ср.:

Caqueter – 1. Квохтать, кудахтать; 2. Перен. Болтать, тараторить.

Radoter – 1. Говорить вздор; 2. Повторяться.

Déraisonner – нести (молоть) вздор.

Jaser – 1. Болтать, судачить, заниматься пересудами; 2. Проболтаться.

Bavarder – много, быстро говорить, пустословить.

Faire de blabla (fam.) – болтать языком¹⁹.

Социальные, возрастные, гендерные и связанные с ними оценочные характеристики слов *caqueter*, *bavarder*, *bavard*, *babillard*, *moulin à paroles* и др. остаются за кадром, хотя адресат активного словаря ожидает, что имплицитная прагматическая информация будет эксплицирована лексикографами.

Подведем итоги

1. Обращение к принципу универсализма в зарубежной и отечественной лексико-

графии связано с коммуникативно-когнитивными аспектами изучения слова, с накоплением сведений об интегральной структуре лексического значения, о коммуникативных свойствах слова, о факторах адресата и адресанта. Поиск и выбор термина для обозначения словаря нового типа обусловлен тем объемом необходимой и достаточной информации о слове, которая должна быть включена в словарь с точки зрения лексикографа, энциклопедической и прагматической.

2. Теоретическая лексикография вполне непротиворечиво разводит термины «активный» и «универсальный» словарь. На практике же словари, созданные под руководством Ю. Д. Апресяна, будучи универсальными, опирающимися на интегральное описание языка, называются активными, хотя, скорее, активный словарь [2] ориентирован на пользователя, а не на исследователя. Лексикографы же относят эти словари к словарям-исследованиям, дающим богатый материал и методику анализа лексических единиц: «В словаре реализована идея интегрального лингвистического описания, предусматривающего максимальную согласованность грамматических и лексических характеристик. <...>. Словарь ориентирован на отражение языковой, или «наивной», картины мира [18, с. 99; 19].

3. Для двуязычной лексикографии разведение этих терминов более актуально: словарь активного типа дает пользователю инструмент овладения коммуникативными навыками: как построить вопрос, отрицание, как отказать или попросить, как выбрать слово, например, в группе глаголов движения, как освоить фрагмент лексической системы языка и др. Словарь В. Г. Гака и Ж. Триомфа позволяет решать коммуникативные задачи,

¹⁹ Французско-русский словарь активного типа / под ред. В. Г. Гака, Ж. Триомфа. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1998.

предлагая «правила употребления слова», что соответствует задачам словаря активного типа.

4. Семантические, тематические и грамматические фрагменты или врезки в лексикографировании единиц какой-либо лексической парадигмы связаны не только с проблемой отбора языкового материала, но также и с вопросами о необходимой и достаточной информации национально-культурного, идеологического, коммуникативного и др. характера.

Можно обсуждать объем, виды, способы представления такой информации, однако любой подобный словарь имеет свою ценность для специалистов-филологов и для изучающих иностранный язык. Располагая такими разными словарями активного типа, можно говорить и о том, что для единиц разных лексических полей, групп, классов, должен существенно различаться и подход к лексикографированию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гак В. Г., Триумф Ж.** Предисловие // Французско-русский словарь активного типа. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1998. – С. 5–7.
2. **Alain R., Delesalle S.** Problèmes et conflits lexicographiques. In: *Langue française*, no 43, 1979. Dictionnaire, sémantique et culture, sous la direction de Simone Delesalle et Alain Rey, pp. 4–26. DOI: <http://dx.doi.org/10.3406/lfr.1979.6160>
3. **Рей А., Делесаль С.** Проблемы и антиномии лексикографии / пер. с фр. И. Ю. Доброхотовой // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 14. Проблемы и методы лексикографии: сб. статей / под ред. Т. С. Зевахиной, Б. Ю. Городецкого – М.: Прогресс. 1983. – С. 261–301.
4. **Гак В. Г.** Проблема создания универсального словаря (энциклопедический, культурно-исторический и этнолингвистический аспекты) // Национальная специфика языка и её отражение в словаре: сб. статей / отв. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1988. – С. 119–125.
5. **Морковкин В. В.** Антропоцентрический версус лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и её отражение в словаре: сб. статей / отв. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1988. – С. 131–136.
6. **Апресян Ю. Д.** Предисловие // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. – М.; Вена: Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 2004. – С. 8–11.
7. **Апресян Ю. Д.** Об Активном словаре русского языка // Активный словарь русского языка. Т. 1. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – С. 5–32.
8. **Теоретическая семантика и идеографическая лексикография:** эволюция интерпретаций: тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной 40-летию образования и научной деятельности кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета. 23–24 октября 2014. Екатеринбург, Россия. – Москва; Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2014. – 150 с.
9. **Щерба Л. В.** Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность: сб. статей / ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. – С. 265–304.
10. **Караулов Ю. Н.** Общая и русская идеография. – М.: URSS, 2014. – 360 с.
11. **Шведова Н. Ю.** Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: сб. статей / отв. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1988. – С. 6–11.

12. **Апресян Ю. Д.** «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка»: предисловие ко второму изданию // Славянская лексикография: международная коллективная монография / под ред. М. Чернышевой. – М.: Азбуковник, 2013. – С. 445–470.
13. **Скляревская Г. Н.** К вопросу о прагматической информации в толковом словаре: возможны ли прагматические пометы? // Лингвистическая прагматика в словаре: виды реализации и способы описания: сб. статей / под ред. Г. Н. Скляревской. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 1997. – С. 6–13.
14. **Langacker R.** An Interview with Ronald Langacker, by Jozsef Andor. In Acta Linguistica Hungarica. Cognitive Grammar: The State of the Art and Related Issues. – Vol. 52 (4). – 2005. – P. 343.
15. **Скляревская Г. Н.** Прагматика и лексикография // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: сб. статей к 60-летию члена-корреспондента РАН Ю. Н. Караулова / ред. Ю. С. Степанов, Е. А. Земская, А. М. Молдован. – М.: Институт русского языка РАН, 1995. – С. 63–71.
16. **Апресян Ю. Д.** Прагматическая информация для толкового словаря // Ю. Д. Апресян. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Т.2. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 766 с.
17. **Вендлер З.** Иллокутивное самоубийство / пер. с англ. А. А. Зализняк // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика: сб. статей / общ. ред. Е. В. Падучевой – М.: Прогресс, 1985. – С. 228–250.
18. **Козырев В. А., Черняк В. Д.** Русская лексикография. – М.: ДРОФА, 2004. – 286 с.
19. **Лукьянова Н. А.** Типология русских лингвистических словарей // Вестник НГУ. Сер. История, филология. – 2005. – Т. 4, Вып. 4. – С. 20–45.

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.01](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.01)

Bulygina Elena Yurievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of Modern Russian Language Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID iD [0000-0001-5191-7896](https://orcid.org/0000-0001-5191-7896)

E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

Tripolskaya Tatiana Aleksandrovna, Doctor of Philological Sciences, Professor of Modern Russian Language Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID iD [0000-0003-0820-0325](https://orcid.org/0000-0003-0820-0325)

E-mail: tr_tatiana@mail.ru

UNIVERSAL AND ACTIVE DICTIONARIES: DEVELOPMENT LEXICOGRAPHIC TRADITIONS OR RETURN TO THE ROOTS

Abstract

The general idea of the active type dictionary was introduced by A. Rey and S. Delesalle: "a dictionary begins to live from the moment when it presents not only meaning of the words but their functioning" (1983).

The concept of Active dictionary was further developed in Russian studies. If A. Rey and S. Delesalle focused on pragmatic information in a dictionary entry, Russian lexicographers discuss the problem of the relation between linguistic and encyclopedic information in the dictionary, offering to "walk away" from the minimization of the classical dictionaries (Gak).

In the modern theoretical lexicography it is of importance to create a universal/active dictionary: the purpose of the dictionary, the recipient, the amount of lexicographic information, methods of presentation, sources and metalanguage (Apresyan). Recognizing all the problems associated with the new type of dictionary let's focus on the issues of volume and the ratio of semantic and pragmatic information about the word in a bilingual active dictionary.

The main concept of the active bilingual lexicography is reflected in the French-Russian active type dictionary, which has a different purpose than active monolingual dictionaries and "aims to explicitly show the relations between language and speech: show the transition from a system of word meaning and its translation to typed contextual meanings and their translation, noting the diverse resources available to the target language to convey various meanings of the source language" (Gak, Triomphe).

The authors follow the cognitive-encyclopedic trend, and tend to include certain information not typical of a bilingual dictionary (such thematic groups as "soccer" and "chess" vocabulary, kinship terms, card games, etc.), or information on composition and functioning of causal verbs, the speech genres of Fear or Prohibition, as well as the ways of expressing Interrogation or Negation, etc. Such information that facilitates mastering the system and functional parameters of the language. In this case, we can speak about a different recipient of the dictionary – about the user who is mastering a foreign language. The user simultaneously receives knowledge of language and knowledge about language.

Pragmatic information (the emotional-evaluative, ethnic, cultural, ideological, gender, social, etc.) is not yet conceptually comprehended as an object of lexicographic description. The dictionary information is often incomplete, inconsistent and controversial.

Keywords

Lexicography, active dictionary, pragmatic component, semantics of the word

REFERENCES

1. Gak V. G., Triomphe J. Preface. *French- Russian dictionary of the active type*. Moscow, Russian Language Publ., 1998, pp. 5–7. (In Russian)
2. Alain R., Delesalle S. Problèmes et conflits lexicographiques. *Langue française*. no. 43, 1979. Dictionnaire, sémantique et culture, sous la direction de Simone Delesalle et Alain Rey. pp. 4–26. DOI: <http://dx.doi.org/10.3406/lfr.1979.6160>
3. Alan R., Delesalle S. Problems and antinomy lexicography. Translated from the French I. Y. Dobrokhotova. *New in foreign linguistics*. vol. 14. Problems and methods of lexicography. (eds.) T. Zevachina, B. Gorodezsky. Moscow, Progress Publ., 1983, pp. 261–301. (In Russian)
4. Gak V. G. The problem of creating a universal dictionary (encyclopedic, cultural-historical and ethno-linguistic aspects). *National specificity of language and its reflection in the dictionary*. (ed.) Yu. Karaulov. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 119–125. (In Russian)
5. Morkovkin V. V. The anthropocentric versus lingvo-centric approach to lexicographical description. *National specificity of language and its reflection in the dictionary*. (ed.) Yu. Karaulov. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 131–136. (In Russian)
6. Apresyan Yu. D. Preface. *New explanatory dictionary of synonyms Russian language*. (ed.) Yu. D. Apresyan. Moscow, Slavic Culture Languages Publ., Vienna, Viennese Slavonic Almanac, 2004, pp. 8–11. (In Russian)
7. Apresyan Yu. D. About active dictionary of the Russian language. *Active Dictionary of Russian language*. vol. 1. Moscow, Slavic Culture Languages Publ., 2014, pp. 5–32. (In Russian)
8. *The theoretical semantics and ideographic lexicography: the evolution of interpretations*. Reports of the International scientific conference devoted to the 40th anniversary of education and research activities of the department of modern Russian language and Applied Linguistics of the Ural Federal University. October 23–24, 2014. Ekaterinburg, Russia. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi Publ., 2014, 150 p. (In Russian)
9. Szczerba L. V. The experience of the general theory of lexicography. *Language system and speech activity*. (eds.) L. Zinder, M. Matusevich. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 265–304. (In Russian)
10. Karaulov Yu. N. *General and Russian ideography*. Moscow, URSS Publ., 2014, 360 p.
11. Shvedova N. Yu. Paradoxes of the entry. *National specificity of language and its reflection in the dictionary*. (ed.) Yu. Karaulov. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 6–11. (In Russian)
12. Apresyan Yu. D. «New explanatory dictionary of Russian synonyms»: the preface to the second edition. *Slavic lexicography*. International collective monograph. (ed.) M. Chernysheva. Moscow, Azbukovnik Publ., 2013, pp. 445–470.
13. Sklyarevskaya G. N. About pragmatic information in the Dictionary: are pragmatic litters? *Linguistic pragmatics in the dictionary: types of implementation and ways to describe*. (ed.) G. Sklyarevskaya. St. Petersburg: Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences Publ., 1997, pp. 6–13. (In Russian)
14. Langacker R. An Interview with Ronald Langacker, by Jozsef Andor. *In Acta Linguistica Hungarica*. Cognitive Grammar: The State of the Art and Related Issues. vol. 52 (4), 2005, p. 343.
15. Sklyarevskaya G. N. Pragmatics and lexicography. *Language – system. Language – text. Language – the ability*. (eds.) Yu. Stepanov, E. Zemskaya, A. Moldovan. Moscow, Institute of Russian Language of the RAS Publ., 1995, pp. 63–71. (In Russian)
16. Apresyan Yu. D. Pragmatic information for explanatory dictionary. *Apresyan Yu. Integral description of language and systematic lexicography. Selected works*. vol. 2, Moscow, Russian Language Culture Publ., 1995, 766 p. (In Russian)

17. Vendler Z. Illocutionary suicide. Translated by A. A. Zaliznyak. *New in foreign linguistics*, vol. 16. The linguistic pragmatics. (ed.) E. Paducheva Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 228–250. (In Russian)
18. Kozyrev V. A., Chernyak V. D. *Russian lexicography*. Moscow, DROFA Publ., 2004, 286 p. (In Russian)
19. Lukyanova N. A. Typology of Russian language dictionaries. *Vestnik NSU. History, Philology*, 2005, vol. 4, pp. 20–45. (In Russian)